

Анна Глебовна Гродецкая (Санкт-Петербург)

Реликтовые сюжетные схемы в ранних повестях И. А. Гончарова

Абстракт

В статье рассматриваются две «реликтовые» сюжетные схемы, оформившиеся в своего рода структурную и ценностно-смысловую оппозицию в двух ранних повестях И. А. Гончарова: кумулятивная — в «Лихой болести» (1838) и циклическая в «Счастливой ошибке» (1839). Методологической основой исследования служит ряд фундаментальных работ по исторической поэтике и теории жанра, от В. Я. Проппа до Ю. М. Лотмана и Н. Д. Тмарченко. Демонстрируется наличие в сюжетных схемах обеих повестей фактически всех обязательных, устойчивых компонентов кумулятивной и циклической моделей. Случаи обращения писателя к данным моделям прослеживаются и в его более поздних произведениях.

Ключевые слова: русская литература; И. А. Гончаров; раннее творчество; сюжет; кумуляция; цикличность

Abstract

The Relict Plot Schemes in Early Novellas by Ivan Goncharov

The present article deals with two “primordial” plot schemes which form a kind of structural and value-semantic opposition in two Goncharov’s early stories: the cumulative one in “The Serious Illness” (1838) and the cyclic one in “The Happy Mistake” (1839). The methodological basis of the study lies in a number of fundamental works in historical poetics and genre theory, from V. Ya. Propp to Yu. M. Lotman and N. D. Tamarchenko. The presence in the plot schemes of both novels of virtually all the obligatory, stable components of cumulative and cyclical models is demonstrated. The instances of the writer’s reference to these plot models in his later works are traced as well.

Key words: Russian literature; I. A. Goncharov; early works; plot; cumulation; cyclicity

В фундаментальных работах по исторической поэтике и теории жанра утвердилось представление о двух «исконных в типологическом отношении»

сюжетных схемах: циклической и кумулятивной.¹ Каждая из них обладает собственной исторически обусловленной содержательностью, собственным художественным языком, с каждой связан определенный тип героя. Семантика и функции циклического сюжета на долитературной стадии (миф и фольклор) описаны в классических работах В. Я. Проппа, О. М. Фрейденберг, Е. М. Мелетинского.² Кумулятивному сюжету и его семантике значительное внимание уделил Н. Д. Тмарченко, его наблюдения и выводы приняты за основу при дальнейшем изложении материала.

Поскольку мы располагаем всего двумя ранними повестями Гончарова — это «Лихая болезнь» (1838) и «Счастливая ошибка» (1839), — то различия в построении сюжета представляются в них особенно очевидными. По сути, повести составляют своего рода контрастную пару в структурном и ценностно-смысловом плане, демонстрируя использование начинающим писателем обеих «исконных» сюжетных схем в их, можно сказать, чистом виде. В «Лихой болести» мы имеем пример кумулятивного сюжета, в «Счастливой ошибке» — циклического.

Как циклическому, так и кумулятивному типу сюжета «соответствует свое представление об универсуме как целом». Тексты, в основе которых лежит циклическая схема, «реконструируют мир как полностью упорядоченный, наделенный единым сюжетом и высшим смыслом»; «трагическое напряжение сюжета» сменяется в них «конечным умиротворением». Кумулятивный тип «реконструирует картину мира, в которой господствует случай, неупорядоченность».³

Сюжетное «нанизывание», выполняя функцию ретардации, вводя препятствия в развитие действия, отражает «способ художественного освоения эмпирического многообразия жизни; многообразия, которое нельзя подчинить какой-либо заданной цели и которое, тем самым, как бы лишено смысла. Принцип кумуляции [...] содействует тому, что любой элемент этого неупорядоченного богатства жизненных явлений может получить большое значение, но не абсолютное и безусловное, а условное и временное».⁴

¹ См.: Лотман Ю. М.: *Происхождение сюжета в типологическом освещении* // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 224–242; Тмарченко Н. Д.: 1) *Принцип кумуляции в истории сюжета: (к постановке проблемы)* // Целостность литературного произведения как проблема исторической поэтики: сб. науч. трудов. Кемерово, 1986. С. 46–54; 2) *Русский классический роман XIX века: Проблемы поэтики и типологии жанра*. М., 1997. С. 60–73.

² См.: Пропп В. Я.: 1) *Морфология сказки*. 2-е изд. М., 1969; 2) *Русская сказка*. Л., 1984. С. 173–244, 294–295; Фрейденберг О. М.: *Поэтика сюжета и жанра*. М., 1997; Мелетинский Е. М.: *Поэтика мифа*. М., 1976. С. 230–276; и др.

³ Лотман Ю. М.: *Происхождение сюжета в типологическом освещении*. С. 234, 235.

⁴ Тмарченко Н. Д.: *Принцип кумуляции в истории сюжета*. С. 50.

Кумулятивная сюжетная схема лежит в основе большого количества произведений разных эпох, от кумулятивной сказки, исследованной Проппом,⁵ до «Фальшивого купона» Льва Толстого, в сюжете которого последовательно, эпизод за эпизодом, развернута эскалация зла.

«Основной художественный прием этих сказок, — писал Пропп о кумулятивных сказках, — состоит в каком-либо многократном повторении одних и тех же действий или элементов, пока созданная таким образом цепь не порывается или же не расплетается в обратном порядке. Простейшим примером может служить русская сказка „Репка“ [...]. Кумулятивные сказки строятся не только по принципу цепи, но и по самым разнообразным формам присоединения, нагромождения или нарастания, которое кончается какой-нибудь веселой катастрофой. [...] В разнообразном в своих формах нагромождении и состоит весь интерес и все содержание этих сказок. Они не содержат никаких интересных или содержательных „событий“ сюжетного порядка, наоборот, самые события ничтожны (или начинаются с ничтожных), и ничтожность этих событий иногда стоит в комическом контрасте с чудовищным нарастанием вытекающих из них последствий и с конечной катастрофой (начало: разбилась яичко, конец — сгорает вся деревня)».⁶ «Композиция кумулятивных сказок [...] чрезвычайно проста. Она слагается из трех частей: из экспозиции, из кумуляции и из финала. Экспозиция чаще всего состоит из какого-нибудь незначительного события или очень обычной в жизни ситуации: дед сажает репку, баба печет колобок, девушка идет на реку выполаскивать швабру, разбивается яичко, мужик нацеливается в зайца и т. д. Такое начало не может быть названо завязкой, так как действие развивается не изнутри, а извне, большей частью совершенно случайно и неожиданно. В этой неожиданности — один из главных художественных эффектов таких сказок. За экспозицией следует цепь (кумуляция)».⁷

Обобщая наблюдения Проппа, Н. Д. Тамарченко в работе, посвященной функционированию архаических сюжетных схем в различных жанровых типах романа, выделил несколько устойчивых элементов кумулятивной структуры: ее компоненты должны быть однородными; их *нанизывание* происходит по возрастанию, по формуле арифметической прогрессии; кумуляция всегда имеет естественный предел, за которым следует ката-

⁵ Пропп В. Я.: *Кумулятивная сказка* // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М., 1976. С. 243–257.

⁶ Там же. С. 243.

⁷ Там же. С. 244.

строфа, образующая финал.⁸ Этот предустановленный финал, названный Проппом «веселой катастрофой», завершает цепь случайностей, возникших вследствие нарушения изначального порядка. Достижение рационального предела в нанизывании и иррациональная «запредельность» не могут не сопровождаться смехом.

С кумулятивной сюжетной структурой связан определенный тип героя. Это герой, «либо имеющий непомерные притязания (преувеличивается значение начальной беды, собственные возможности или потребности [...]), либо не понимающий разумные нормы обыкновенной жизни», он, как правило, «связывается с фигурами дурака или обманщика, плута».⁹

В сюжетной схеме гончаровской «Лихой болести» наличествуют фактически все обязательные компоненты кумулятивной модели. В экспозиции повести звучат признания рассказчика о совершенно случайно открывшейся ему «странной и непостижимой эпидемической болезни» его знакомых — семейства Зуровых и их ближайших друзей,¹⁰ «очевидным свидетелем и чуть не жертвою» которой он становится. Очевидна в повести и «беспричинность начала действия», отсутствующая завязка, характерная для кумулятивного сюжета. «Ничтожность» событий и значительность их последствий (финальная катастрофа) также составляют контраст, необходимый в структуре кумулятивного сюжета.

Повествование в повести ведется от первого лица, рассказчик выступает и участником событий, и их наблюдателем и интерпретатором. Имя рассказчика — Филипп Климыч — звучит в тексте повести лишь однажды, в жизни Зуровых он появляется случайно, на непродолжительное время и так же внезапно исчезает. Такая функция и такая точка зрения повествователя органичны для данного сюжетного типа, повествователь подобного типа выполняет в сюжетной цепочке лишь «оцеляющую» функцию.¹¹

Тяжелое заболевание, общий «недуг» Зуровых (петербургских жителей, что немаловажно) проявляется в неудержимом стремлении весной и летом к ежедневным загородным прогулкам. В бегстве Зуровых из «душного» города к природе и природной «естественности» находит выражение в обытовленной и травестированной форме комплекс сентименталистских и романтических идей. В сознании не покидающего своего дома Никона

⁸ Тамарченко Н. Д. *Русский классический роман XIX века*. С. 63.

⁹ Там же.

¹⁰ О мотиве болезни в повести см.: Фаустов А. А.: «И всяк зевает, да живет...»: (к симптоматике гончаровской «Лихой болести») // *Русская литература*. 2003. № 2. С. 80–93.

¹¹ Тамарченко Н. Д.: *Русский классический роман XIX века*. С. 69–70.

Устиновича Тяжеленко (предшественника Обломова) эти идеи приобретают не только комически утрированный, но и мистический характер.

Повествование о приступах «несчастной мономании» в семье Зуровых, *нанизываемое* эпизод за эпизодом, и составляет кумулятивную цепочку событий в «Лихой болести». Действие развивается по нарастающей, происшествия во время прогулок приобретают все более отчетливые симптомы грядущей *катастрофы*. Поездки в Стрельну, Петергоф, Парголово, Токсово продолжаются и под проливным дождем, и в зной при палящем солнце, что приводит любителей прогулок к слепоте, солнечному удару, обездвижению и т. д. Убедившись в неизлечимости Зуровых, трезвомыслящий и не зараженный страшным «недугом» рассказчик Филипп Климыч расстается с ними. В эпилоге он получает письмо, из которого узнает, что семейство, совершившее несколько «прогулок» в Финляндию и Швейцарию, уезжает наконец в Америку, где, отправившись на очередную прогулку в горы, назад не возвращается.

Такова сюжетная *цепочка* в «Лихой болести». Герой подобного сюжета, как мы помним, «либо имеет непомерные притязания», «либо не понимает разумные нормы обыкновенной жизни». *Энтузиастам* Зуровым, в полном соответствии с классической схемой, свойственно и то, и другое.

Служит ли в данном случае «реликтовая» схема основой смыслопорождения? Если оставить в стороне оппозицию мнимой деятельности Зуровых и гротескной бездеятельности Тяжеленко, то сама конструкция сюжета определенно останется содержательной. Главный поддерживаемый ею смысл — случайность происходящих событий, их немотивированная безначальность, почти механическая повторяемость и однотипность. Как одно, так и другое обесценивает и обесмысливает изображенные в повести ситуации. При этом финал повести кажется недостаточно содержательно мотивированным, избыточно катастрофичным. Пожалуй, для «веселой катастрофы» достаточно было бы и просто отъезда семейства Зуровых в Америку — на сверхотдаленную и сверхдлительную «прогулку». Даже в качестве элемента, заданного обязательным в кумулятивной схеме принципом эскалации, их гибель в горах выгладит преувеличенно драматичной. Остается допустить, что автор уподобил финальное разрешение сюжета — сказочному, лишенному в кумулятивной сказочной схеме какой бы то ни было рациональной логики.

В итоге в повести торжествует ирония, с тем ее оттенком, который и в других гончаровских произведениях будет граничить с романтической иронией, обнаруживающей условность созданного текста как такового.¹²

Если кумулятивный тип сюжета не обеспечивал «восстановления цельности человека и его единства с миром»,¹³ то такую задачу выполнял циклический сюжетный тип. Именно он использован Гончаровым во второй ранней повести — «Счастливой ошибке». Ее герой, Егор Адуев, предшественник Александра Адуева в «Обыкновенной истории», молодой человек с пылким сердцем, страдает от кокетства и гордости любимой девушки, ссора с ней приводит его к состоянию, близкому к помешательству, и желанию навсегда с ней расстаться. Однако сюжет повести в итоге разрешается благополучным финалом — желанным союзом влюбленных, сюжетное построение сводится к тому, что случайно нарушившаяся гармония с миром главного героя в финале полностью восстанавливается, повесть завершается «конечным умиротворением».

Таким образом, в начале творческого пути писатель освоил и использовал обе исконные сюжетные модели. Представляют интерес и другие случаи его обращения к этим моделям. Кумулятивную схему Гончаров использует в очерках «Иван Савич Поджабрин», построенных на цепочечном нанизывании эпизодов: «жуир» Поджабрин постоянно переезжает с квартиры на квартиру и становится участником все новых и новых любовных историй. Специфический язык сюжетной конструкции демонстрирует безначальность и бесконечность и в итоге полную бессмысленность его «жуирования». Не случайно А. А. Фаустов, исследуя очерковую жанровую природу этого гончаровского текста, в качестве элемента, нарушающего жанровый канон, отметил «бессмысленность» входящих в «очерки» эпизодов. По наблюдению ученого, сама изображаемая жизнь «словно сопротивляется „классификаторским“ усилиям повествователя (не особенно, впрочем, настойчивым) и все время рассыпается на „бессмысленные“ детали. У этой бессмыслицы есть, однако, какая-то своя навязчивая логика...».¹⁴ К слову, меняя квартиры, Поджабрин с легкостью совершает именно то, что становится фатально невозможным для Обломова. В данном случае мы имеем пример межтекстовой оппозитивности ситуаций, каждая из которых развернута в самостоятельный сюжет.

¹² См.: Гродецкая А. Г.: «Пафос середины»: (ирония и автоирония у Гончарова) // Гончаров: живая перспектива прозы: науч. статьи о творчестве И. А. Гончарова / [ред.-сост.: Molnar Angelika]. Szombathely, 2013. С. 38–48. (Bibliotheca Slavica Savariensis. Т. XIII).

¹³ Тмарченко Н. Д.: *Русский классический роман XIX века*. С. 73.

¹⁴ Фаустов А. А.: «Иван Савич Поджабрин» в кругу гончаровских очерков. С. 277; курсив автора.

Циклическая сюжетная модель реализуется и в «Обыкновенной истории», и в «Обломове». А. Молнар пишет по этому поводу: «Роман Гончарова реализует мифопоэтические принципы построения кольцевой композиции, замкнутого сюжета, в котором на разных уровнях повторяется то же самое действие».¹⁵

Приемы сюжетопостроения в прозе Гончарова, включающие «реликтовые» сюжетные модели с их устойчивым языком, к сожалению, мало изучены и заслуживают дальнейшего исследования.

Анна Глебовна Гродецкая

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук
grodetskaiaag@mail.ru

¹⁵ Молнар А.: *Поэзия прозы в творчестве Гончарова*. Ульяновск, 2012. С. 35.

ИВАН ГОНЧАРОВ
и европейский классицизм
и неоклассицизм

Editor Ivo Pospíšil

Ústav slavistiky FF MU
Brno 2021

Recenzovali:

prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

doc. Dott. Giuseppe Maiello, PhD. et PhD.

KATALOGIZACE V KNIZE – NÁRODNÍ KNIHOVNA ČR

Ivan Gončarov i jevropskij klasicizm i neoklasicizm (konference) (2020 : Brno, Česko)

Ivan Gončarov i jevropskij klasicizm i neoklasicizm / editor Ivo Pospíšil. -- 1. vydání. -- Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2021. -- 191 stran

Anglická a ruská resumé

"Vydal Jan Sojnek - Galium"--Tiráž -- Sborník příspěvků ze stejnojmenné konference vychází péčí Ústavu slavistiky FF MU ve spolupráci s Českou asociací slavistů a Slavistickou společností Franka Wollmana. -- Obsahuje bibliografie a bibliografické odkazy

ISBN 978-80-88296-14-0 (Jan Sojnek - Galium ; brožováno)

* 821.161.1-3 * 82.02"1700/1830" * 82.02"1890/1945" * 82:7.04 * 82.091 * 82.0 * 82:316.7 * 82.09 * 82.07 * (4) * (062.534)

– Gončarov, Ivan Aleksandrovič, 1812-1891

– ruská próza -- 19. století

– klasicismus (literatura) -- Evropa

– neoklasicismus (literatura) -- Evropa

– literární náměty

– literární vlivy

– poetika

– literatura a kultura

– literárněvědné rozbory

– interpretace a přijetí literárního díla

– sborníky konferencí

821.161.1.09 - Ruská literatura (o ní) [11]

Vychází péčí Ústavu slavistiky FF MU
ve spolupráci s Českou asociací slavistů
a Slavistickou společností Franka Wollmana.

Vychází s finančním příspěvím grantu MU
Podpora mezinárodních doktorských škol.

Jazyková korektura Mgr. Taťjana Zaňko.

© Ústav slavistiky FF MU, 2021

ISBN 978-80-88296-14-0

Obsah

Иван Гончаров и европейский классицизм и неоклассицизм. Вступление (<i>Иво Поспишил</i>)	5
Ольга Червинская По пушкинским лекалам: роман Ивана Гончарова «Обыкновенная история»	7
Роман Дзык Иван Гончаров в украинском литературоведческом пространстве	29
Анна Глебовна Гродецкая Реликтовые сюжетные схемы в ранних повестях И. А. Гончарова	59
Юлия Викторовна Исапчук Имагологическая рецепция образа Андрея Штольца в контексте современной исторической эпохи	67
Галина Косых «Права на... уважение?» (Протопопов о Гончарове)	81
Наталья Лукьянчикова Лиза («Некуда») и Вера («Обрыв»): женские образы в полемических романах Н. С. Лескова и И. А. Гончарова	95
Татьяна Юрьевна Мельник Эпистолярный текст как репрезентативный знак культуры в романе И. Гончарова « <i>Обрыв</i> » (1869).....	103
Наталья Валериановна Никоряк О закономерности редуцирования персоносферы романа И. Гончарова «Обломов» в кинотексте	119

Ленка Одегналова

И. А. Гончаров: писатель и критик 135

Михаил Васильевич Отрадин

Проза, которую трудно пародировать (Заочная встреча Гончарова и Флобера) 143

Иво Поспишил

«Edle Einfalt, stille Größe»: Иван Гончаров в контексте традиций классицизма 157

Алёна Тычинина

Личность автора в книге очерков И. Гончарова «Фрегат „Паллада“» 177

ИВАН ГОНЧАРОВ

и европейский классицизм и неоклассицизм

Editor Ivo Pospíšil

Technická redakce a sazba v Lua \LaTeX u písmy Linux Libertine
a Linux Biolinum Mgr. Zbyněk Michálek

Jazyková korektura Mgr. Taťjana Zaňko

Vychází péčí Ústavu slavistiky FF MU
ve spolupráci s Českou asociací slavistů
a Slavistickou společností Franka Wollmana.

Vychází s finančním příspěvím grantu MU
Podpora mezinárodních doktorských škol.

Návrh obálky Jan Sojnek

1. vydání

Vydal Jan Sojnek — GALIUM

Brno 2021

ISBN 978-80-88296-14-0